

Русский телеграф, 1998, - 23 мая, - с. 8

Тоска по утраченному — одно из условий созидательности

Выставка Пикассо-коллекционера в Мюнхене

● Что бы ни говорили революционные радикалы, вдохновленные идеями итальянского футуризма, художнику свойственно интересоваться искусством. Пусть музеи и суть гробы, как не раз повторяли различные авангардисты, но почтение к гробам чувство полезное и творческое, и желание заполнить свое пространство чужим искусством — отнюдь не прихоть постмодернизма. Если бы и правда удалось все сбросить с корабля современности, как это собирались сделать Маринетти с Филоновым, то они и сами бы в скором времени задохнулись в своей революционности, как муха в спичечном коробке.

Коллекции художников, созданные ими для себя, ради себя и своими собственными силами, — одна из интереснейших тем в истории искусства. Почти все крупные художники имели свои личные коллекции: ведь, в сущности, мастерская сама по себе является музеем. К сожалению, о многих из них мы ничего или почти ничего не знаем. Так, ничего мы не знаем о коллекциях Пуссена и Вермера, мало что о коллекциях Ватто, почти ничего о коллекциях Леонардо, Микеланджело и Рафаэля. Знаем только, что они были. Зато коллекции Рубенса и Рембрандта, известные нам в довольно подробных документальных свидетельствах, просто сводят с ума всех любителей искусств. Художник-коллекционер, да еще при этом гениальный художник, — это нечто особенное. Его отбор — само по себе произведение искусства — яркое, своеобразное и необычайно поучительное.

Даже нищий Ван Гог имел свою коллекцию. Она складывалась не из покупок, на которые он не имел денег, а из подарков и из обмена картинами с другими художниками. Подобные коллекции свидетельствуют не только и столько о вкусах художника, хотя, конечно, и о них тоже, сколь об образе жизни. Ван Гог не мог покупать своего любимого Делакруа, слишком для него дорогого, зато у него были Югены и Бернары — художники, в общем-то не самые близкие к его мировоззрению, но друзья на какое-то время.

Ван Гог — особый случай. Рано или поздно нищие гении получают возможность жить в свое удовольствие, при этом не обязательно становясь Чертковым из «Портрета» Гоголя. Этот живописец, продавший талант и душу дьяволу за деньги и успех, тоже был занят составлением коллекции, покупая все лучшие картины, что появлялись в продаже, и затем их безжалостно уничтожая. Насколько известно, реальность ничего подобного не породила, и ни один художник, кроме Филонова, разбивавшего гипсовые слепки в Академии (не жалко — не свои), ничем подобным не прославился.

Все возрастающий интерес к коллекционированию как к факту художественной культуры повлек за собой и появление выставок, посвященных коллекциям художников. Недавно была сделана выставка «Дега — коллекционер», а теперь в Кунстхалле в Мюнхене открылась большая выставка «Пикассо и его коллекция». На ней из различных коллекций, рассеянных по всему миру, представлены картины, рисунки и скульптуры, что побывали в мастерской художника в течение его долгой жизни. Среди произведений всех времен и всех народов большое место занимают и работы самого художника, так что эта выставка превращается в своеобразный макет ателье Пикассо, то есть модель его творческого мира.

Пикассо — один из излюбленных мифов XX века. Выставочный рейтинг давно уже показал, что одного его имени достаточно, чтобы шоу, им осененное, оказалось успешным. Перечисление тем, что стали основой выставок Пикассо, составило бы длиннейший список. Чего только в нем не было — «Пикассо и брак», «Пикассо и его женщины», «Пикассо и дети» (его и не его), «Пикассо и Средиземноморье», «Пикассо и сюрреализм» и т.д. до бесконечности. Их так много, что очередная выставка «Пикассо и...» вызывает саркастическую улыбку: что там еще осталось, «Пикассо и подсолнечное масло», что ли...

«Пикассо и его коллекция» тем не менее — очень интересная и хорошо сделанная выставка. Как раз именно она доказывает, что как бы ни был утомителен тот блеск и треск, что постоянно сопровождает его имя, мир

Пикассо тонок и хрупок, как любой мир, сплетенный из духовных интенций, создающих искусство. Неуловимое единство очень разных произведений, составляющих его коллекцию, убеждает в том, что Пикассо, столь заинтересованный в шумихе вокруг себя, на самом деле создавал ее лишь для того, чтобы она служила чем-то вроде пуленепробиваемой упаковки его внутреннего мира. Очевидно, что он этой цели достиг: с тем Пикассо, на выставке которого сейчас день и ночь стоят очереди, он соотносится так же, как бабочка с куколкой.

Как и в случае с Ван Гогом, жизнь неким образом корректировала коллекцию Пикассо. Андре Дерен, Хоан Миро, Луис Фернандес, Альберто Джакометти, Анри Матисс, Макс Жакоб, Жак Превер и Андре Салмон — скорее имена любимых в то или иное время друзей, чем любимых художников, хотя время от времени обе эти позиции могли совпадать. Не живопись современников определяет, однако, лицо выставки, хотя она и преобладает. Как ни странно, ключевым произведением, будто открывающим вход в мир Пикассо, становится картина XVII века, странная, загадочная и грациозно неуклюжая.

Это «Процессия с быком» или иначе называемая «Праздник вина» — работа неизвестного мастера круга братьев Ленен. Она изображает двух простолодинов, ведущих на веревке меланхоличного быка, покрытого попойой. Вокруг них собралось четыре благородных кавалера в изящных серых костюмах, почему-то радующихся этой странной процессии. Все участники сцены объаты несколько меланхоличным весельем, и двое из них, поднимая бокалы, как бы приглашают зрителя принять участие в их, так сказать, акции, находясь в доброжелательной уверенности, что зритель знает, чему эта акция посвящена.

Зритель же не знает и не понимает ничего. Он не знает ни имен участников процессии, хотя их лица определенно портретны, ни имени художника, условно называемого «Мастером процессии быка», ни причин радости, ни цели этого шествия. Куда ведут быка — на бойню, на выставку животноводства или на случку с прекрасной Европой — остается неясным столь же, сколь и место и время действия: закат-рассвет на фоне каменной дороги и блеклого неба. Композиция картины проста, как таблица умножения или музыкальная гамма. Просты и чувства изображенных — но сквозь эту предельную простоту высвечивает манящая энигма. Все сказано предельно ясно, но ясность эта открывает просторы, что невозможно охватить разумом, и чувство это пленительно и тихо, как шум растущей травы.

Сквозь любовь Пикассо к неприхотливому жанру во вкусе братьев Ленен можно разглядеть его главное пристрастие — любовь к простой и позитивной поэзии французской разумности, всегда хранящей спокойствие и свежесть. Ленен, Коро, Шарден, Сезанн, Дега, Сера выстраиваются в очевидный ряд не просто любимых художников, но особой манеры восприятия мира. Размышление в противовес страсти Лебрена, Делакруа, Жерико и Ван Гога и необычайное преклонение перед чистотой взгляда и сознания — вот главные достоинства, что Пикассо ценил в искусстве. Оно должно быть легко и мелодично, как старинные французские песенки или вариации Куперена.

Африканские маски и иберийские примитивные бронзы, выставленные рядом, совсем не противоречат этому наблюдению. Более того, благодаря «Процессии с быком» становится понятно, что в искусстве Бенина и Кикладских островов Пикассо ценил не экзотичность, а незамутненность и что в нем его привлекала все та же загадочность простоты, которую можно разглядеть и в нигерийских идолах, и в ленинских крестьянах. Другое дело, что сочетание их в одном выставочном пространстве, так же как и в одном сознании, ведет к переизбыточной сложности, граничащей с монструозностью. Впрочем, глупо изображать невинность, когда она утрачена, а желать обрести ее вновь — вполне достойно, и творчество Пикассо, особенно Пикассо позднего, лишней раз это доказывает.

Аркадий ипполитов

Неизвестный французский художник XVII в. «Процессия с быком» (коллекция Пикассо)

288